

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ЗАВИДНАЯ СУДЬБА

26 января общественность края отмечает пятидесятилетие со дня рождения и тридцатилетие творческой деятельности заслуженного артиста РСФСР Бориса Данильченко. Сердечно поздравляя талантливого актера, мы предлагаем вниманию читателей рассказ о его творческой судьбе.

В СТАВРОПОЛЬСКОМ краевом драматическом театре имени М. Ю. Лермонтова шел спектакль «Дело, которому ты служишь». Раздвинулся занавес, и сотни зрителей, подчиняясь силе искусства, мысленно перенесли на четверть века назад.

Борис Никитович Данильченко появлялся на сцене не сразу. В гриме профессора Богословского и шинели он стоял возле двери своей гримерной и курил.

— Не умею не волноваться перед выходом... Потому и от сигарет никак не могу отвыкнуть. У нас на Лягушевке все мальчишки покуривали...

Старожилы Ставрополя помнят, что Лягушевкой неофициально назывался район, находившийся возле вокзала. Здесь прошло детство Бориса Никитовича.

— Вы знаете, я до сих пор люблю слушать гудки паровозов. Отец был машинистом, и я невольно научился понимать язык гудков. Они то звали, то тревожно предупреждали, то пели, то ругались, то плакали... Жаль, конечно, что сейчас паровозы стали редкостью, их гудки так же трудно услышать, как колокольный звон. Во всему свое время.

Борис Никитович вспомнил и 64-ую железнодорожную школу, в которой учился, и драматический кружок, и первое выступление с чтением стихов в пушкинские дни тридцать седьмого года. Тогда семнадцатилетний Борис Данильченко не мечтал стать профессиональным актером. Было просто увлечение. После окончания школы он поехал в Одессу в институт инженеров водного транспорта. Поступил. Но однажды, увидев объявление о наборе в театральное училище, рискнул без подготовки пойти на экзамен, прочел там монолог Пимена, и, к своему удивлению, оказался в числе принятых.

Через три с лишним года 22 июня 1941 года в училище был сыгран дипломный спектакль «На дне». А через три дня после выпуска молодые актеры всем курсом добровольно ушли на фронт. Связист Данильченко участвовал в боях под Москвой и Сталинградом, был помощником начальника штаба одного полка. Осенью сорок второго тяжелое ранение на тринадцать месяцев приковало его к госпитальной кровати.

— Приготовьтесь к выходу, Борис Никитович.

Это напоминает помощник режиссера.

Актер медленно, уже походкой своего героя идет в кулисы, и через минуту появляется на освещенном полукруге сцены. Между слепящими софитами прожекторов чернеет притихший зрительный зал. Он кажется бездонным, как ночное небо.

Публика ждет. Звучат первые фразы, и начинается зримое перевоплощение артиста Данильченко в профессора Богословского. При работе над этой ролью Борис Никитович не раз вспоминал тех, кто в госпитале вернул его к жизни, вернул способность сразу после больницы койки выйти на сцену.

— Мне вообще везло. Большинство моих героев — люди, которых хорошо знаю. Работать над ролью современника с этой точки зрения легче — наблюдай и фиксируй. Но в то же время, когда знаешь, что тебя будут смотреть люди, похожие на твоего героя, волнуешься гораздо больше: понимаешь, что зритель заметит любую неточность, любую фальшивую ноту.

Эта постоянная требовательность к себе позволила Борису Никитовичу успешно сыграть Давыдова из «Поднятой целины», начальника стройки Литвинова в спектакле «На диком берегу», Хижнякова в «Далях неоглядных», Чаликова в «Первой весне», Трофима Кичигина в пьесе «Чти отца своего» и многих других. Все роли сыграны на сцене Ставропольского краевого драматического театра.

— Иногда удивляются, что я всю жизнь работаю в одном городе. Объясняется это довольно просто. Во-первых, родина есть родина, а во-вторых, я здесь все время чувствовал поддержку и помощь со стороны опытных режиссеров, возглавлявших наш театр. Особенно хочется вспомнить добрым словом Г. И. Гуревича и Г. А. Георгиевского. Когда в театре есть умный, фанатически преданный своему делу руководитель, то актер, по-моему, может обижаться только на себя...

В антракте в гримерной Б. Н. Данильченко мы продолжили беседу.

— Хотя во втором акте мне и предстоит умирать, но сейчас я чувствую себя гораздо спокойнее. Сегодня хороший зритель — ощущение это по реакции зала. Я знаю, что меня понимают, и это очень важно для верного рисунка роли. Без контакта со зрителем играть очень трудно.

Настоящий артист не может сказать по другому. И играть по-настоящему можно только тогда, когда знаешь, что твой труд нужен людям, что переживания твоих ге-

роев волнуют зрителя, заставляют его делать определенные выводы, помогают жить. Когда во время сцены смерти Богословского я посмотрел в зрительный зал, то увидел напряженные, скорбные лица. Люди верили актеру, и эта вера являлась лучшей наградой за его вдохновенный труд.

После спектакля мы шли с заслуженным артистом РСФСР Борисом Никитовичем Данильченко по вечернему Ставрополю. Дул хлесткий холодный ветер.

— Буря, как в «Лире», — усмехнулся Данильченко.

Заговорили о классике.

— Роли Эзопа в пьесе «Лиса и виноград» и короля Лира, пожалуй, самые интересные и трудоские в моей творческой биографии. Эти спектакли уже не идут. Жаль. Хотелось сыграть еще что-нибудь подобное. Например, «Отелло». Шекспир — это настоящий театр.

— А если бы вы начали сейчас жить сначала, то что? — не удержался я от традиционного журналистского вопроса.

— Наверное, пришел бы к тому же. Сын Александр тоже пошел по моим стопам. В свое время пытался его отговорить — не смог. Сейчас работает в Краснодаре. Кажется, основную нашу заповедь: «Люби не себя в искусстве, а искусство в себе», Александр усвоил правильно. Это — самое главное.

Ветер неожиданно принес снизу звук паровозного гудка.

— Слышите? Он сказал: «Мы еще повоюем!». Да... Не верится, что уже пятьдесят. Все время кажется, что мог сделать больше.

Я невольно залюбовался его крепкой, статной фигурой, волевым лицом.

Красивой дорогой идет по жизни этот человек. Хочется от души пожелать ему на этом пути больших удач и новых творческих вершин.

В. ЛУКЬЯНОВ,
выпускник Ленинградского
института театра музыки
и кинематографии.

Ставрополь.